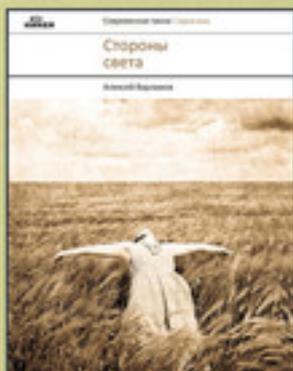

Алексей Варламов

Звездочка

*Часть сборника
Стороны света (сборник)*

Алексей Варламов

Звездочка

«Никея»

2011

Варламов А. Н.

Звездочка / А. Н. Варламов — «Никея», 2011

ISBN 978-5-457-23937-1

«В семидесятые годы прошлого века в Москве на углу улицы Чаплыгина и Большого Харитоньевского переулка на первом этаже старого пятиэтажного дома жила хорошенькая, опрятная девочка с вьющимися светлыми волосами, темно-зелеными глазами и тонкими чертами лица, в которых ощущалось нечто не вполне славянское, но, может быть, южное. Ее гибкое тело было создано для движения, танца и игры, она любила кататься на качелях, прыгать через веревочку, играть в салочки и прятки, а весной и летом устраивать под кустами сирени клады: зарывать в землю цветы одуванчиков и мать-и-мачехи, а если цветов не было, то обертки от конфет, и накрывать их сверху бутылочным стеклышком, чтобы через много лет под ними выросло счастье...»

ISBN 978-5-457-23937-1

© Варламов А. Н., 2011

© Никея, 2011

Содержание

1	5
2	7
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Николаевич Варламов

Звездочка

1

В семидесятые годы прошлого века в Москве на углу улицы Чаплыгина и Большого Харитоньевского переуллка на первом этаже старого пятиэтажного дома жила хорошенькая, опрятная девочка с вьющимися светлыми волосами, темно-зелеными глазами и тонкими чертами лица, в которых ощущалось нечто не вполне славянское, но, может быть, южное. Ее гибкое тело было создано для движения, танца и игры, она любила кататься на качелях, прыгать через веревочку, играть в салочки и прятки, а весной и летом устраивать под кустами сирени клады: зарывать в землю цветы одуванчиков и мать-и-мачехи, а если цветов не было, то обертки от конфет, и накрывать их сверху бутылочным стеклышком, чтобы через много лет под ними выросло счастье. Так делали все ее подружки в старом московском дворе, от которых Лиза отличалась разве что чуть большей грациозностью и резвостью. Однако непохожего и даже загадочного и странного в судьбе ее было предостаточно. До семи с половиной лет она жила в полном неведении о вещах, которые были хорошо знакомы ее маленьким ровесникам. Она не знала, кто такой Володя Ульянов, кто такие октябрюта, пионеры, космонавты, коммунисты и целинники, какой праздник отмечает страна Седьмого ноября и Первого мая, ни даже как эта страна называется. Не знала она и своих родителей.

Мама Лизы умерла, когда девочке не было года, папа проживал в другом городе и никогда свою дочь не видел, а воспитывали Лизу две пожилые и очень своеобразные женщины, которые приходились ей родной и двоюродной бабушками. Одну она звала бабой Шурой, другую – бабой Алей.

Старушки были сестрами, в этом доме они родились и выросли, но долгое время находились в вынужденном отъезде в Архангельской области, а после жили в городе Кашине. Вернулись они на угол Чаплыгина и Большого Харитоньевского порознь: сначала Аля, а десять или немногим больше лет спустя – Шура.

Аля и Шура были очень дружны в молодости, но теперь трудно было представить более противоположных и по облику, и по духу созданий. Кроткая, худенькая, похожая на цыпленка, в шапке пирожком и пальто с песцовым воротником зимой и в ситцевом платье с белым платочком на голове летом баба Аля принадлежала к той породе женщин, которые довольно рано блекнут, но после этого будто останавливаются в возрасте и приобретают едва ли не бессмертие – бодрость, легкость, подвижность, безунывность. Никогда она ни на что не жаловалась, не роптала, ни о ком не сказала худого слова, ни перед кем не возгордилась, редко болела, и уже много лет торопливой, шустрой, восторженной старушкой ее помнили и обитатели углового дома, и приветливые к старожилам продавщицы булочной и молочного магазина, и прихожане храма Архангела Гавриила, иначе именуемого Меншиковой башней.

Младшую сестру бабы Али бабу Шуру и соседи, и продавщицы видели гораздо реже, а в Меншиковой башне и вовсе не знали, хотя имя ее всегда упоминалось сразу после Лизиного в заказных записках, которые подавала за здоровье ближних баба Аля. Баба Шура вела жизнь затворническую и из дома выходила в самых исключительных случаях, когда заканчивались папиросы «Беломорканал». С трудом опираясь на палку, шла она по улице, ни на кого не глядя и ни с кем не здороваясь, но студеной тяжелой взгляд ее при этом выражал такое ко всему презрение, что и двор, и улица замирали и со смешанным чувством боязни и любопытства смотрели косматой старухе вослед и долго недобро шептались. Бабе Але было неловко за сестру, но поделаться с нею она ничего не могла. Она только никогда не ходила

с Шурой через двор вместе, чтобы не видеть, как матери закрывают младенцев, опасаясь сглаза, малые дети испуганно плачут, а мальчишки постарше свистят, улюлюкают и кидают в сторону хромоножки снежки или куски земли.

Большую часть дня угрюмая старуха проводила на кухне или запершись у себя в комнате, откуда попеременно раздавался стук пишущей машинки «Горпедо» и треск, завывания и шумы лампового радиоприемника. Только очень хорошо натренированное ухо могло выудить из свистящей музыки эфира членораздельные слова на русском языке, но, судя по всему, баба Шура преуспела в этом занятии, хотя программы, которые она внимательно слушала, вовсе не походили на любимые ее сестрой и всем народом радиоспектакли, концерты классической музыки и мудрые передачи «Взрослым о детях» или же «Писатели у микрофона».

Из-за разного образа жизни, характера и привычек старушки частенько ссорились и, случалось, даже днями не разговаривали, а то вдруг начинали ворошить дела давно миновавших дней, договариваясь едва ли не до того, что им нужно немедленно разъезжаться и никогда более до похорон не встречаться, но Лиза, сама того не зная, их примиряла.

Когда, закопав во дворе очередное счастье, девочка прибежала домой с перепачканными руками и сияющими глазами, насупленные лица старых женщин просветлялись, Лизу кормили чем-нибудь вкусным и садились учить читать или рисовать, занимались вышивкой или сказыванием сказок. Детских книжек для советских детей ей не читали вовсе, даже самых безобидных, вроде «Приключения Незнайки» или «Волшебника Изумрудного города», не говоря уже о Гайдаре и Кассиле. Баба Аля читала ей жития святых по старым дореволюционным изданиям, баба Шура – рассказы из истории древнего мира, легенды и мифы о подвигах греческих и римских героев и богов, к коим она чувствовала сердечную склонность. Из литературы светской старушки предпочитали Пушкина, Аксакова, Одоевского, Мамина-Сибиряка и Лидию Чарскую. Последним писателем, допущенным ревнительницами литературного благочестия в этот ряд, был Михаил Пришвин, в которого была влюблена баба Аля и дружила с вдовой писателя Валерией Дмитриевной, время от времени навещающая ее в деревне Дунино летом и в просторной московской квартире в Лаврушинском переулке зимой.

Бывала в писательской квартире и Лиза. Обычно пили чай с дунинским медом у доброй женщины после посещения Третьяковской галереи. За большим столом под круглой венецианской люстрой, некогда купленной самим Пришвиным, говорили о мудром писателе, который знал, из каких родников пробивается поэзия, и мечтал объединить всех людей, открыв для них волшебную страну Дриандию. Валерия Дмитриевна, наклонив голову, смотрела на девочку лучезарным и грустным взором женщины, которая прожила жизнь, не имея своих детей, и было Лизе в этом родном мире уютно и хорошо, и все люди казались ей добрыми и счастливыми.

2

Идиллическое, ничем не нарушаемое существование моей маленькой героини продолжалась почти до восьми лет, покуда не настала пора снаряжать дитя в школу.

В глубине души обе ее наставницы боялись этого момента и нарочно пропустили лишний год, давая своей воспитаннице домашнее образование, где к римским героям, агиографии, Пришвину и Чарской прибавились уроки чистописания, математики, музыки и двух иностранных языков – английского и немецкого. Но чему быть, того не миновать, и однажды звонкой весной, когда сошел грязный снег на дворе, старушки впервые за много лет вышли из дома вместе и повели внучку на собеседование в школу, располагавшуюся в одном из соседних переулков.

Это была замечательная московская школа с углубленным изучением французского языка, какие бывают только в пределах Садового кольца. В эту школу было трудно попасть и еще труднее учиться, в нее ездили дети из интеллигентных семей со всего города. Не все в ней доучивались до конца, многим детям приходилось со школой расставаться раньше срока и переходить в другие, где троечники становились отличниками. Зато те, кто оставались в двадцатой, даже с тройками в аттестате поступали в лучшие институты страны и в Московский университет. Дети вырастали, становились родителями и приводили в школу своих детей, пожилые учителя узнавали в преуспевающих молодых мамах и папах бывших учеников, и в школьном коридоре, где нарядно одетые девочки и мальчики искоса поглядывали друг на друга, а родители вели слегка фальшивую беседу, стараясь выглядеть уверенно, нервозность смешивалась с настроением праздника.

Лиза волновалась ужасно и оттого была особенно прелестна. Глаза ее блестели, щеки покраснелись, она была одета в свое лучшее синее платье с кружевным воротником, волосы украшал пышный белый бант, а в голове у нее вертелись наставления бабы Али, как правильно войти в классную комнату и поздороваться, не останавливая взгляда ни на ком, но в то же время обведя глазами всех. Было обговорено, какие стихи она прочтет и как станет отвечать на вопросы, но сердечко все равно тревожно колотилось у девочки в груди, и еще ее немного смущал смотревший на нее в упор высокий черноволосый мальчик в матроске, который сидел напротив в коридоре с папой и мамой и болтал ногами, как на качелях.

Однако бояться ей было нечего: уж кто-кто, а Лиза Непомилуева была к школе готова безукоризненно. И в самом деле, когда настала ее очередь войти в просторную светлую комнату и отвечать на вопросы учителей, завуча начальных классов и директора школы, девочка поразила всех необычайно чистой речью, умением бегло читать и считать, но более всего – рассказом по картинке.

Ей выпало составить рассказ о первомайской демонстрации на Красной площади. Краем глаза заметив картинку, баба Аля побледнела, а баба Шура почернела, но Лиза... Первый раз в жизни она увидела зубчатые стены древней торговой площади и вообразила, что это и есть та самая Дриандия, которую призывал открыть Пришвин. Вдохновение охватило ее, и она рассказала приемной комиссии историю, после которой никто не стал задавать девочке дополнительных вопросов. Директор листала Лизины документы, что-то вполголоса шептал а ей на ухо завуч, в глазах у обеих стояли слезы, и женщины с благодарностью смотрели на двух старух, вся жизнь которых свелась к тому, чтобы вырастить девочку, даже не подозревавшую о своей сиротской доле и не чувствовавшую себя ни в чем ущемленной.

По заведенной в школе традиции результаты собеседования сообщались только время спустя, когда вывешивались списки поступивших, но Лизиним бабушкам сразу же сообщили, что девочка их принята, и лишь ласково попеняли, что был упущен целый год.

– А может быть, определим ее сразу во второй класс? – предложила молодая завуч.

– Не стоит. Все, что ни делается, к лучшему, – сказала директор школы певучим голосом и повернулась к Лизе. – Тебе необыкновенно повезло, Лизонька. В этом году один из классов набирает Татьяна Петровна Глинская, лучшая учительница нашего района. Тебе будет очень хорошо у нас.

– Храни вас Господь, – не удержалась баба Аля и низко поклонилась, вызвав улыбки на лицах у педагогов.

Ее торжественное настроение испортила сестра.

– Мало тебя, Алька, в Ярцеве били. Как была круглой дурой, так дурой и осталась! – заявила грубоватая баба Шура, когда старухи вышли на улицу. – Ты б еще ручки им поцеловала, как своим попам.

Баба Аля ощутила в борту пробоину, из которой посыпалось на сырой бульвар благодушие, насупилась и в который раз велела самой себе быть сдержанной и осторожной. Сестры вернулись домой порознь и не разговаривали до вечера, но Лиза, по обыкновению, их размолвки не заметила: она бежала впереди и сердечко снова подпрыгивало в груди, но уже не от волнения, а от радости – ее приняли.

3

Когда Лиза проснулась, в квартире было темно и тихо. Все еще спали. В окно светил уличный фонарь. В шкафу на плечиках висела школьная форма: коричневое платье со стоечкой, кружевным воротником и манжетами. Белый накрахмаленный фартук светился в полутьме.

– Спи, Лиза, – сказала она самой себе, но спать не хотелось.

Хотелось лежать и о чем-нибудь думать. Например, о маме. Если бы не этот фонарь, Лиза могла бы увидеть звезду, на которой жила мама.

Фотография мамы висела у нее над кроватью. У мамы были светлые волосы, молодое красивое лицо и широко распахнутые удивленные глаза. Лиза часто смотрела на эту фотографию, единственную, где мама улыбалась. На остальных, которые показала ей однажды тайком от бабы Шуры баба Аля, мама была грустная. Особенно одна из них Лизу поразила: на ней маме столько же лет, сколько сейчас Лизе. Глаза голодные-преголодные и диковатые. Рот полуоткрыт, будто мама хочет что-то сказать. Лиза и похожа, и не похожа на нее. Но все равно мама видит свою дочку и знает, что сегодня Лиза идет в школу. Об этом знают и куклы, и мишка, и соседи во дворе.

Когда Лиза умрет, она увидит маму: они встретятся на звезде, а Лизина дочка будет на них смотреть. Хотя нет, так рано Лиза не умрет. Ведь когда она вырастет, врачи будут знать, чем лечить болезнь, от которой умерла мама. Лиза будет жить долго-долго и станет бабушкой, как баба Аля и баба Шура. И жизнь у нее будет счастливая-пресчастливая. Зря, что ли, она столько секретиков закопала во дворе. Только бы мальчишки опять не подсмотрели и не разорили ее клад. И ладно б просто разорили.

Лиза даже сжала кулачки, вспомнив, как последний раз стала раскапывать секретик, аккуратно делая пальчиком ямку, и вдруг под стеклышком вместо цветка увидела дохлого мышонка. Мальчишки стояли рядом и громко смеялись, показывая на нее пальцем. Особенно один из них был противный, улыбался гадко и высовывал язык. Он был самый старший из них и самый маленький ростом. Лиза заревела от обиды, а их все стали ругать: зачем девочку обижаете, за нее вступиться некому. Ничего себе, вступиться некому! Как она тогда закричала и набросилась на них! Еле оттащили. Баба Аля была недовольна: нельзя драться, Лиза, ты девочка. А баба Шура, наоборот, похвалила.

Глаза уже привыкли к темноте, и Лиза почувствовала сильное волнение. А вдруг мальчишки сейчас, когда все спят, снова ищут ее секретик? Днем-то они побоятся, а ночью нет. Если бы окно выходило во двор, можно было бы не спать, а стеречь всю ночь секретик. А все из-за бабы Шуры. Ее не любят, вот Лизе и мстят. Только непонятно, почему никто не любит бабу Шуру? Они же не знают, какая она добрая и сколько всего знает. Если баба Шура начинает что-нибудь рассказывать, можно съесть все, что угодно, и не заметить. Даже гречневую кашу с молоком. Или рыбий жир. Правда, она все время что-то печатает и никому нельзя об этом рассказывать. Вообще странная она, баба Шура. Когда бабы Али нет, обнимает, прижимает и гладит Лизе волосы, а при бабе Але не делает так никогда.

– Кого ты больше любишь, бабу Шуру или бабу Алю? – спрашивали иногда Лизу любопытные старухи во дворе и переглядывались.

Лиза терялась и не знала, что сказать.

– Алю. Нет, Шуру!

Или все-таки Алю? Они такие разные. А еще спрашивали про дедушку и про папу, но тут уж Лиза и вовсе ничего не знала. Зато баба Шура страшно сердилась, если узнавала, что Лиза говорила с бабками на скамейке.

– Делать им нечего, только сплетни собирать!

И правда – ни баба Аля, ни Шура на лавочках не сидели.

– Ничего им про меня не говори и никогда их не слушай.

– Баба Шура, а ты кто? – спросила однажды Лиза, протиснувшись в комнату, где за заваленным бумагами столом в клубах папиросного дыма, заложив копиркой пять листов бумаги в пишущую машинку, баба Шура перепечатывала что-то со слепого листка. – Ты – писатель?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.